

строй Оттоманской империи («Influence exercée par certaines institutions de Byzance et des Balkans de Moyen âge sur le système féodal Ottoman», p. 237—257).

• Три статьи сборника относятся к сфере политической истории. И. Венедиков рассматривает надписи Крума, характеризующие статус Фракии в составе Болгарского государства («La population byzantine en Bulgarie au début du IXe siècle», p. 261—277): из этих данных, в частности, он делает вывод, что на службе Крума находилась значительное число византийских стратигов, носивших христианские имена (Лев, Янис, Вардан, Кордила, Григора).

Статья П. Петрова «Восстание Петра и Бояна в 976 г. и борьба комитопулов с Византией» (стр. 121—144) касается одного эпизода болгарской истории конца X в., скудно освещенного в источниках, — восстания комитопулов против Византии. Опираясь на свидетельство польского хрониста XV в. Яна Длугоша, Петров устанавливает, что одновременно с восстанием комитопулов в Западной Болгарии Северо-Восток страны был охвачен другим восстанием — под руководством Петра и Бояна (Petrus et Baianus); отражение этих событий он усматривает также в «Записке греческого топарха»¹.

Наконец, Б. Примов, анализируя на основании переписки Иннокентия III взаимоотношения папского престола с крестоносцами, Византией и Болгарией («The Parousy, the Fourth Crusade and Bulgaria», p. 183—214), приходит к заключению, что папа несет известную ответственность за изменение направления IV крестового похода, поскольку он не наложил на венецианцев и крестоносцев суровых кар за разграбление Задара. Однако Примов коренным образом расходится с М. А. Заборовым, полагая, что изменение направления похода в интересах венецианцев противоречило политике Иннокентия. Далее, Примов полагает, что политика папства в отношении Калояна потерпела неудачу.

Проблемы истории литературы рассмотрены в двух статьях. И. Снегаров подробно анализирует источники для изучения жизни и деятельности Климента Охридского («Les sources sur la vie et l'activité de Clement d'Ochrida», p. 79—119), приводя в конце статьи разночтения к «Житию Климента» по Охридской рукописи. Р. Браунинг издал в сборнике по Cod. Vatoss. 131 письмо Михаила Италика Феодору Продрому и письмо Продрома Италику, известные уже С. Д. Пападимитриу. В пространном комментарии Браунинг, в частности, устанавливается на упомянутом в письме Продрома «деле Капсорима» и в соответствии со своим пониманием этого места уточняет предложенную Пападимитриу датировку письма. Браунинг затрагивает также вопросы о стиле византийской эпистографии и о богомилстве.

Т. Герасамов издал в сборнике 53 золотые монеты (перпера) Андроника II и Андроника III («Les Hureperères d'Andronic II et d'Andronic III et leur circulation en Bulgarie», p. 213—236), происходящие из нескольких болгарских кладов. По мнению издателя, золотая византийская монета попадала в Болгарию в уплату за хлеб, который покупали здесь венецианские и генуэзские купцы.

Более частный характер носят работы И. Гылыбова о произношении в староболгарском языке («Les données de l'onomastique byzantine et grecque touchant la prononciation du «ъ» vieux bulgare», p. 313—320) и С. Вояджиева — о соборе V в. в Несебре («L'ancienne église métropole de Nesebâr», p. 321—346). Сборник завершается критической статьей С. Станчева («Pliska — théories et fait», p. 349—365), где автор выступает против Д. Кранджалова, отвергая теорию романо-византийского происхождения Плиски.

A. K.

„ЕЛЛИНИКА“, XII—XVII, 1952—1962

Журнал «Эллиника», выходящий в Салониках (в настоящее время под редакцией профессоров Салоникского университета — византиниста Стильпона Кириакидиса и историка новогреческой литературы Линоса Политиса), — не специально византиноведческий журнал: наряду с проблемами византистики, там представлена как античная, так и новогреческая тематика. Однако по понятным причинам ни статьи по древней истории, ни статьи по новой истории Греции, как правило, здесь рассматриваться не будут.

Журнал состоит обычно из четырех разделов: статьи, заметки, рецензии и хроника. Большая часть материалов печатается на греческом языке, но допускаются французские и английские работы и крайне редко — немецкие. Основное внимание уделяется, как мы увидим ниже, проблемам византийской филологии.

По своей политической ориентации журнал связан с англо-американским и французским научным миром и довольно критически относится к западногерманской науке. Это проявляется не только в чрезвычайно редком употреблении немецкого языка, но и

¹ Статья Петрова вызвала резкие возражения М. Войнова (ИП, 1963, кн. 2, стр. 122—132).

в резкости полемики с западногерманским византиноведением и, особенно, с прогермански настроенными греческими учеными, как И. Караяннопулос. Для антигерманской направленности журнала особенно показательна статья М. Андроникоса о проблеме «дорийского вторжения» (XIII, 1954, 221—240), где автор, поддерживая, в частности, Г. Чайлда, выступает против концепции ряда немецких ученых об индогерманизации Греции в результате дорийского вторжения. Отвергая (на основе археологического материала) эту концепцию, Андроникос допускает лишь переселение небольших греческих племен из Северной в Южную Грецию.

Отношение к Советскому Союзу в журнале довольно настороженное. Иногда вдруг проскальзывают выпады против «коммунистической диктатуры» рядом с прославлением ООН (в статье С. Кириакидиса о Втором афинском морском союзе XV, 1957, 330—349). Работы на русском языке не рецензируются. Однако следует обратить внимание и на другую сторону: в журнале нашли положительную оценку различные издания в странах народной демократии, в том числе книга J. Irmischer, D. V. Schellow. Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. Berlin, 1961 (С. Кириакидис. — XVII, 1962, 391 сл.); в ряде работ заметен интерес к русским источникам; проблема славянства в Греции трактуется сравнительно объективно (к этим вопросам мы еще вернемся).

Для понимания философско-исторических установок журнала небезынтересна статья Н. Влахоса, который ставит вопрос о назначении истории как науки (XV, 49—53). Наряду с признанием исторической закономерности («история есть серия фактов, из которых каждый последующий имеет причины в предыдущих») и рассмотрением исторического процесса как результата действий не отдельных личностей, а общества, мы находим у Влахоса характерную для буржуазной апологетики мысль, будто история, раскрывая постоянное сотрудничество между народом и правительством, воспитывает патриотизм.

Среди статей по византиноведению значительная часть — издания текстов и связанные с этим исследования в области палеографии. Л. Политис характеризует ряд греческих рукописей, преимущественно из архивов афонских монастырей Каракалли и Лавры (XVI, 1958/9, 126—136); Е. Какулиди характеризует рукопись Дионисия Ареопагита (Cod. Palat. Theol. gr. 162) и датирует ее 1253 г. (XVI, 232—236); статья М. Манусакаса посвящена стихотворным надписям Никифора Мосхопула, епископа Крита и Лакедемона (около 1300 г.), на рукописях его библиотеки (XV, 232—246). Д. Закифиносу принадлежит новое издание надписи 1027 г. (SIG, 8704), где идет речь о построении храма, который должен был подчиняться не местному епископу, а судье и стратегу фемы Пелопоннес¹ (XV, 95—111). В обширном комментарии издатель приводит ряд параллелей из современных памятников и останавливается, в частности, на употреблении топонима Лакедемон в византийских источниках, в том числе на печатях. Проблемы сигиллографии затронуты в обширной рецензии С. Кириакидиса на изданную В. Лораном коллекцию печатей К. Оргидана (XIII, 387—392); особенно существенно рассмотрение (в связи с печатью № 239) вопроса об образовании фемы Филиппополь при Иоанне Цимисхий. В специальной заметке А. Кириакиду-Несторос (XVI, 179—188) рассматривает моливдовул XI—XII вв. с именем св. Феодора Вифирриакиа, изданный Г. Шломберже в 1891 г., и локализует храм св. Феодора близ Рисяя, а не в центре Малой Азии (в приложении к статье исследованы известия синаксаря Константинопольской церкви о восстании Варды Склира).

Особого внимания заслуживает работа Г. Феохаридиса (XVII, 1962, 1—23). Он впервые издал по рукописи Дионисиева монастыря на Афоне хрисовул Иоанна VI Кантакузина от ноября 1347 г., в котором император жалует великому папю Димитрию Дуке Кавасилу *παρότρης* в 250 перперов в награду за его верность и в возмещение потерь, которые папий понес за свою верность Кантакузину (речь идет, естественно, о возвращении Кавасилу земель, конфискованных у него восставшими зилотами). Хрисовул является еще одним документом, свидетельствующим, что *παρότρης* составляла основное содержание пронии-экономики, а не была дополнительной, из пронии вырастающим пожалованием налогов. В комментарии Феохаридис разбирает преимущественно просопографические вопросы. Два других документа — сигиллии патриарха Антония от 1391 и 1392 гг. — опубликованы французским палеографом Ж. Даррузе (XVI, 137—148).

Вопросы социально-экономической истории рассматриваются не часто и обычно не очень глубоко. Не случайно поэтому, что слабая книга А. Хаджиниколау-Маравы о византийском рабстве² получила на страницах журнала положительную оценку (Э. Криарас. — XII, 1952, 194—198); основное пожелание рецензента сводилось к расширению сведений об отношении к рабству отцов церкви.

¹ Анализ этой надписи см. также М. М. Фрейденберг. Эсскассия в Византии XI—XII вв. «Уч. зап. Великолукского пед. ин-та», 3, 1958, стр. 342 сл.

² Помимо критических оценок М. Я. Скюзюмова и моей (ВВ, V, 1952, стр. 280—284; ВДИ, 1952, № 4, стр. 121—128), см. рецензию П. Лемерля с негативными выводами (REG, 64, 1951, p. 527 sq.).

Наиболее значительная статья, касающаяся социально-экономической проблематики, принадлежит Д. Палласу (XIV, 1955, 87—105). В первой части ее Паллас приходит к выводу, что уменьшение количества находок византийских монет VII—VIII вв. объясняется натурализацией экономики, основой которой стала сельская община (на рубеже VIII—IX вв. она, по мнению автора, была подчинена феодальными силами). Варварские вторжения, полагает Паллас, сыграли лишь вторичную роль, усугубив процессы, вызванные внутренним развитием. Во второй части статьи автор, признавая достоверность данных письменных источников и топонимики о вторжениях славян (напомню, что многие греческие исследователи стараются опровергнуть эти свидетельства), рассматривает археологический материал, использованный Э. Вернером и другими византинистами; по мнению Палласа, фибулы из Нового Анхиала и музея Спарты были изделиями византийских мастеров. Рассуждения Палласа недостаточно убедительны: фибулы с человеческим лицом, широко распространенные на славянской территории, вполне могли быть изготовлены и мастерами-славянами. Впрочем, разумеется, археологические данные вообще редко могут иметь этническую определенность (вспомним спор об этнической принадлежности черняховской культуры!) — важно, что Паллас признает самый факт славянского проникновения в Грецию.

В этом отношении к нему примыкает и Г. Сулис, автор рецензии на работу Ф. Дэльгера «Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland Thessalonike im 10. Jhd.t.» (XII, 1953, 401—404)³.

Работа Дэльгера направлена против националистических увлечений ряда греческих ученых, отрицавших славянское вторжение в Грецию и утверждавших, что термин *Σκλάβος* имеет по преимуществу апеллятивное значение («раб»). Дэльгер показал, что этот термин приобретает апеллятивное значение только с XII в. (на самом деле с XI⁴), а до того являлся этником (славяне). Сулис поддерживает мысль Дэльгера и ссылается на новые данные, подкрепляющие тезис немецкого ученого о расселении в районе Солуни в X в. славян (обращает на себя внимание хорошее знакомство Сулиса со старой русской литературой).

Вопросы административной истории империи затронуты в нескольких статьях. Так, С. Кириакидис выступил с критикой некоторых работ И. Караяннопулоса (XVII, 219—251). Он утверждал, что при Константине I сохранился языческий культ императоров, а также отвергал взгляд Караяннопулоса (следующего в этом вопросе за Дэльгером) на происхождение термина «фема»; согласно Кириакидису, фемой первоначально называлось место, на котором располагались стратиготы, затем — территориальная единица, где размещалось боевое подразделение (ср. также его заметку: XIII, 339— и рецензию на Караяннопулоса: XVII, 406—409). Наконец, Е. Христофилопулу исследовала частный вопрос о *στέφανος* — головном уборе, который василевсы надевали во время своих выходов на господние праздники (XV, 279—285).

Большое внимание уделялось в журнале вопросам топографии. Французский ученый Р. Гийан посвятил три статьи частным вопросам топографии Константинополя (XIV, 106—122; XVI, 77—94; XVII, 95—104). В салоникском журнале вполне естествен интерес к проблемам солунской топографии: помимо сравнительно общей работы Г. Феохаридаса (XIII, 26—70), сюда относятся несколько частных статей А. Ксингопулоса (XIII, 331—336; XIV, 453—457), Г. Сотирю (XIV, 158 сл.), Д. Евангелидаса (XIV, 159 сл.). Истории солунского Нового монастыря и связанных с ним церковных деятелей Макария Хумна (ум. около 1382 г.) и солунского митрополита Гавриила (1397—1416/9) посвящены две статьи французского ученого В. Лораяна (XIV, 40—86; XIII, 241—255).

Политическая история Византии представлена немногочисленными статьями. В. Лаурдас убедительно полемизирует с Ф. Дворником, стремившимся поставить под сомнение раскол церкви при Фотии: изданное В. Грюмелем (REV, XI, 1953, p. 129—155) послание папы Стефана V к Василию I заставляет отказаться от этих сомнений (XIV, 170—172); А. Ксингопулос рассматривает надпись на иконе XVII—XVIII вв. и ставит вопрос об отождествлении (в официальном политическом мировоззрении) Иоанна Апокава, вождя антизлотского движения в Солуни, с патроном города св. Дмитрием (XV, 122—140); Г. Колиас, опираясь преимущественно на известие Игнатия Смоленского (текст приводится в новогреческом переводе), анализирует политическую борьбу в Византии в конце XIV в. — восстание Иоанна VII против Иоанна V в 1390 г. (XII, 34—64); Л. Политис обращает внимание на содержащаяся в Мюнхенской рукописи (Cod. Monac. 194) заметки о падении Константинополя (XVI, 231 сл.).

Общие вопросы истории византийской философии поставлены С. Кириакидисом в рецензии на книгу В. Tatakis. *La philosophie byzantine*. Paris, 1949 (XIV, 223—232). Автор справедливо упрекает Татакиса за его попытку рассматривать русскую обще-

³ Более подробно эти мысли развиты им в другой статье: G. S o u l i s. *On the Slavic Settlement in Hierissos in the Xth Century*. Byz., 23, 1954.

⁴ Производное от термина *σκλάβος* в значении «раб» употреблено уже в завещании XI в. из Бари.

ственную мысль (в том числе Достоевского и Бердяева) как непосредственное продолжение византийской; Кириакидис характеризует такую попытку как антиисторическую.

Многие статьи касаются творчества отдельных византийских авторов: Э. Криарас дважды рассматривал «Лимонарь» Иоанна Мосха (XII, 188—194, 376—379); французский ученый Ж. Бонпер издал сокращенное «Житие Симеона Нового столпника» (в трех версиях) (XIII, 71—110). Особое внимание уделялось Фотию и его ученику Арефе Кесарийскому. В. Лаурдас, исследовав X гомилию Фотию (XIV, 168—170), показал, что она должна быть отнесена ко времени Михаила III, а не Василия I, как думали до тех пор⁵. Далее, Лаурдас опубликовал новое письмо Фотия болгарскому князю Борису-Михайлу с извещением о смерти Василия I (XIII, 263—265); издатель датирует письмо временем между 29 августа и декабрем 886 г. Важную проблему стилистических принципов Фотия и его отношения к классическим и раннехристианским авторам поднимает Г. Л. Кустас (XVII, 132—169); однако сводя литературную деятельность Фотия к гармоничному сочетанию классического и раннехристианского наследия, он не ставит вопроса о том, как константинопольский патриарх использовал это наследие для решения актуальных проблем своего времени. Наконец, Лаурдас приходит к выводу, что схолии к «Амфилохиям» Фотия из Лаврской рукописи 449 принадлежали Арефе (XII, 252—272); в конце этой статьи он полемизирует с А. Грегуаром и на основании рукописной традиции приходит к выводу, что Фотий действительно был автором всех «Книг против манихеев»⁶.

Чрезвычайно существенна публикация, осуществленная Лаурдасом совместно с английским ученым Р. Дженкинзом: они издали 8 новых писем Арефы, являющихся ценнейшим источником по истории политической борьбы в Константинополе в начале X в. (XIV, 293—372). Вместе с Л. Г. Вестеринком Лаурдас опубликовал некоторые схолии Арефы по Cod. Vindob. Phil. gr. 314 (XVII, 105—131). Наконец, отмечу большие рецензии С. Кириакидиса на издания двух сочинений Константина Багрянородного — «О фемах» (А. Пертузи) и «Об управлении империей» (Д. Моравчик) (XVI, 375—386).

Авторам XI—XII вв. почти не уделено места на страницах журнала, если не считать компилятивной статьи Л. Бенакиса о том, что обзор Аристотелевой «Логики» не принадлежит Михаилу Пселлу (XVI, 222—226). Несколько заметок касаются творчества писателей более позднего времени. С. Кириакидис предлагает поправку к Пахимеру (XIV, 174—176); Д. Паллас останавливается на взаимоотношениях Максима Плануда с современными ему художниками Исайей и Мельхиседеком, затрагивая в этой связи вопрос об отношении палеологовской живописи с современным ей гуманизмом (XII, 94—96); В. Лаурдас помещает маленькую заметку о Николае Кавасиле (XIII, 337 сл.).

Проблемы народной литературы (по традиционному делению) рассмотрены в ряде статей. Небольшая заметка Г. Спиридакиса посвящена народным сатирическим песенкам византийского времени (XV, 275—278); несколько работ явилось откликом на издание Дж. Мавроградато Гротта-ферратской рукописи «Дигениса Акрита»; критически оценивая это издание, Кириакидис, К. Данкидис и А. Цопанакис предлагают к нему ряд поправок (XIV, 542—559; XVI, 226—230; XVII, 75—94); сюда же примыкает и статья Кириакидиса о соотношении «Дигениса» и турецкой народной повести о Кёр-оглу (XVII, 252—261).

Издание М. Пишаром стихотворного романа «Каллимах и Хрисороя» вызвало рецензию Э. Криараса (XVI, 253—264) со множеством поправок к тексту; затем последовала статья Б. Кнёса (XVII, 274—295), поставившего под сомнение тезис о том, что автором романа был Андроник Палеолог, сын севастократора Константина (начало XIV в.). Наконец, Е. Цолакис предложил поправки к чтению трех первых стихов «Повести о четвероногих» (XVII, 318—324).

Две статьи были посвящены греческим поэтам из Сицилии и Южной Италии (М. Джиганте — XIII, 111—121, Дж. Скиро — XVII, 170—187).

В журнале опубликовано несколько работ по среднегреческому языку: Криарас предлагает объяснение отдельных слов ряда византийских авторов от Малалы до Леонтия Махеры (XV, 191—192. Ср. его же — XIV, 160—168); частные вопросы среднегреческой лексики, синтаксиса и морфологии затронуты Н. Андриотисом (XII, 15—33; XV, 1—25). Две работы посвящены проблемам топонимики (Д. Вайакакос — XV, 203—219; И. А. Фонопулос — XVI, 70—76).

⁵ Независимо от Лаурдаса к тому же выводу пришли Р. Дженкинз и К. Манго (R. J. H. Jenkins, C. A. Mango. The Date and Significance of the Xth Homily of Photius. DOP, IX—X, 1956, p. 123—140).

⁶ Помимо указанной Лаурдасом литературы, см. еще Е. Э. Липшиц. Вопросы павликианского движения в освещении современной буржуазной историографии. ВВ, V, 1952, стр. 235 сл.

В журнале находят отражение (хотя и не часто) вопросы истории византийского искусства (А. Орландос — XV, 88—94; А. Ксингопулос — XIII, 256—262; Г. Бакалакис — XIV, 3—22).

Наконец, там опубликована обширная библиография новых работ по новогреческой тематике, учитывающая также некоторые труды, касающиеся византиноведения (XIII, 397—491; XIV, 245—284).

А. К.

„ГРЪДКИ ИЗВОРИ ЗА БЪЛГАРСКАТА ИСТОРИЯ“

София, т. II (1958, 378 стр.); т. III (1960, 329 стр.); т. IV (1961, 358 стр.)

Болгарская Академия наук выпустила в свет II, III и IV тома «Греческих источников по болгарской истории». Издание иноязычных (в том числе и латинских) источников было начато несколько лет назад; первый том греческой серии вышел из печати в 1954 г. Он включил в свой состав памятники III—VI вв., от Дексиппа до Козьмы Индикоплова; II—IV тт. охватывают следующий период — с середины VI до середины X в., от новелл Юстиниана до хроники Генесия. Каждый том открывается введением, где кратко характеризуются тексты и сообщаются основные сведения, которые могут быть извлечены из них для воссоздания социально-экономической, этнической и политической истории болгарского народа. Тексту каждого источника предшествуют сведения об авторе и его трудах, список рукописей, изданий и литературы; источник дается параллельно на языке оригинала и в болгарском переводе. Комментарий дан в подстрочных примечаниях; указатель, помещенный в конце каждого тома, является одновременно и именным, и предметным. В греческом тексте указаны страницы издания, которое здесь воспроизводится, — это дает возможность быстро обратиться к существующим публикациям.

Во II том «Греческих источников» вошла большая часть тех произведений, которые по праву считаются классическими и хорошо изученными памятниками ранней истории славянства. Это «Тайная история», «История войн» и трактат «О постройках» Прокопия Кесарийского (в переводе Ив. Дуйчева и Д. Дечева), отдельные главы из «Стратегикона» Псевдо-Маврикия (переведенные Г. Цанковой-Петковой) и обширные отрывки из «Истории» Феофилакта Симокатты (в переводе В. Бешевлиева). Эти авторы занимают почти половину I тома. Здесь же приведен текст *Historia ecclesiastica* Евагрия (в переводе В. Тышковой-Займовой), сообщающего много сведений о нападениях гуннов и аваров на империю и о судьбах старого фракийского населения; ряд текстов не относится непосредственно к истории славян, но расширяет представления о состоянии балканских земель перед славянским завоеванием или во время его. Это — новеллы Юстиниана (особенно новелла от 15 июня 535 г., запрещающая отнимать у земледельца его надел за долги, и от 19 мая 544 г., разрешающая духовенству продавать церковные имущества для выкупа населения, захваченного в плен «варварами»); «Путеводитель» (*Συνέχθημος*) Гиерокла первой трети VI в., содержащий ценные сведения о топонимике империи, а также отрывки из Иоанна Лида («О свидетельствах», «Об управлении Римским государством»).

III том состоит из менее крупных памятников, и притом самого различного характера — агиографических, панегирических, повествовательных. Здесь выделяются «Деяния Дмитрия Солунского» (перевод В. Тышковой-Займовой), принадлежащие перу солунского архиепископа Иоанна и неизвестного солунского священника. Этот важный памятник содержит богатые свидетельства об осаде Солуни славянами, действовавшими огромными племенными массами, об усвоении славянами византийской военной техники, об отношениях внутри аваро-славянского племенного союза. Другие агиографические источники представлены «Деяниями Дазия», содержащими сведения о распространении христианства в Мезии, и отрывками из жития Стефана Нового, где сообщается о походе императора Константина V против «скифов», болгар. Среди нарративных памятников выделяются обширные тексты из хроники Феофана (перевод В. Бешевлиева и Г. Цанковой-Петковой) и Бреввария Никифора (перевод В. Бешевлиева), сообщающие много данных о протоболгарах Куврата, племенном союзе Аспаруха, о болгарском государстве эпохи Крума. «Слово об аваро-славянской осаде Царьграда в 626 г.» содержит сведения о славянах, которые были главной силой в войске, осаждавшем столицу; Пасхальная хроника позволяет судить о том, что в августе 626 г. именно славяне заставили аварского кагана отступить от Константинополя; *Bellum avanicum* Георгия Писидийского сообщает важные сведения о протоболгарах. Отрывки из актов VI и VII соборов дают представление об исторической географии страны и о церковных и административных переменах в болгарских землях.

В IV том вошло 27 памятников, освещающих развитие Болгарии и болгаро-византийских отношений с начала IX и до первой четверти X в. Ряд источников характеризует войны 811—814 гг., в частности неудачный поход Никифора I в Болгарию; это — жития патриарха Никифора, Николая Воина Студита и Феодора Студита,